

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 291

Июнь

2006

Серия «Филология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Иванцова Е.В.** Изучение языковой личности в томской лингвистической школе 5
Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) 12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Айзикова И.А.** К проблеме контекста работы В.А. Жуковского над переводом Нового Завета
(по материалам архива писателя) 20
Вётшева Н.Ж. Планы и конспекты волшебного исторического поэмы В.А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) 25
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 32
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 38
Данилевский Р.Ю. Сибирский Лессинг 43
Дашевская О.А. Д. Андреев и С. Булгаков: к вопросу о генезисе концепции «Роза Мира» 46
Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века:
культурологические аспекты изучения поэтики 56
Жилыкова Э.М., Васильева Е.Ю. Л. Стерн в творческих опытах молодого Л.Н. Толстого («La belle Flamande») 61
Завьялова Е.Е. Об устойчивой модели лирической медитации в русской поэзии 1880–1890 гг. 66
Казаков А.А. Литературная классика в ситуации распространения электронных форм бытования литературы:
проблемы филологического образования 73
Канунова Ф.З. Библиотека Г.С. Батенькова в Томске 77
Кафанова О.Б. Пушкин и Жорж Санд: творческий дискурс (факты и гипотезы) 81
Киселёв В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма 89
Мекш Э.Б. Проза поэта (очерк Александра Шириева «За бортом») 95
Панова О.Б. Онтологический статус слова в философском и художественном сознании Л.Н. Толстого 99
Разумова Н.Е. Онтология судьбы в драматургии А.П. Чехова 103
Рыбальченко Т.Л. Семантика киноискусства в новеллистике В. Шукшина 113
Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения 125
Сейбель Н.Э. Бог как гносеологическая категория в эстетике Германа Броха 128
Степаненко С.Б. Истина в словесном творении: к вопросу о герменевтико-феноменологическом
понятии литературы 135
Янушкевич А.С. Философия и поэтика гоголевского Всемира 145

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Гураль С.К.** Развитие коммуникативной компетенции у студентов дополнительного высшего образования
«Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» 155
Дронова Л.П. Откуда пришло должное? (к проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) 157
Жукова Н.С. Категориальные значения и проблема грамматической синонимии
(на материале современного немецкого языка) 165
Кильмухаметова Е.Ю. Основные понятия теории релевантности 170
Кильмухаметова Е.Ю., Курохтина Е.В. Роль невербальных средств в установлении коммуникативной цели
речевого акта (на материале современной французской художественной литературы) 173
Песина С.А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики 177
Петрунина С.П. Функционально-семантическое поле персональности в диалекте 183
Старикова Г.Н. Размышления о ЕГЭ по русскому языку 188
Щитова О.Г. Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века 195

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Абакумова Н.Н., Истомина Н.Н. Профессиональное самоопределение субъекта в процессе обучения и преподавания иностранного языка	200
Агафонова Л.И. Развитие учебных стратегий на примере учебных пособий для обучения иностранному языку студентов электрофизического и гуманитарного факультетов	206
Антоненко Т.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в условиях информационного образовательного пространства: к постановке проблемы	210
Захарова Г.В. Межкультурная германистика как основа межкультурного подхода к обучению иностранным языкам в Германии	217
Качалов Н.А. Особенности использования аутентичных видеодокументов в обучении иностранному языку	221
Кузнецова С.В. От аудирования к говорению	228
Михалева Л.В. Формы организации самостоятельной работы студентов в условиях коммуникативного обучения иностранным языкам	231
Нестерова Н.М. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм	235
Рахманина М.Б. Реализация принципа опоры на включенность культуры в процесс обучения в методах обучения иностранным языкам	239
Рахманина М.Б. Обучение чтению на иностранном языке как компонент многоаспектного образования (к вопросу о реализации педагогической категории «метод обучения» в конкретной методике обучения)	244
Ростовцева В.М., Качалов Н.А. Формирование языковой компетенции субъектов высшей школы на материале второго иностранного языка	249
Ростовцева В.М. Языковая подготовка как составляющая современной стратегии подготовки педагогических кадров	255
Слесаренко И.В. Особенности процесса формулирования высказывания на основе иерархической структуры элементов аргументации	260

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОМЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Гальцова Н.П. Развитие новых технологий в рамках приоритетных направлений модернизации образовательной системы	264
Жилиякова Э.М. А.П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки А.П. Елагиной с В.А. Жуковским)	267
Сороковых Г.В. Сущностная характеристика субъектно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке специалистов в вузе	276

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Канунова Ф.З. Томский период в моей жизни	280
Бартосевич Ф.Ф. На перекрестке войны	286
Колесникова Р.И. Корни и ветви экологов ТГУ	290

ЮБИЛЕИ

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. К юбилею Ольги Иосифовны Блиновой	295
---	-----

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	297
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	300

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 291

June

2006

Series «Philology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

REVIEWS

Ivantsova E.V. The learning of language's personality in Tomsk's linguistic school	5
Kalitkina G.V. Dialect dictionaries as a linguistic and cultural source: an attempt at tradition reconstruction	12

LITERATURE STUDIES

Ajzikova I.A. To the Problem of Zhukovsky's work on the New Testament translation (the autor's archive materials)	20
Vjotsheva N.Z. Plans and notes of «Vladimir», a magic-historic poem by V.A. Zhukovsky	25
Grebneva M.P. Florence of O.E. Mandelstam	32
Grebneva M.P. Florentine world of N.S. Gumilev and A.A. Achmatova	38
Danilevskiy R. Siberian Lessing	43
Dashevskaya O.A. D. Andreev and S. Bulgakov: to the problem on genesis of the conception «The Rose of the World»	46
Domanskiy V. The Russian manor in the literature of the XIX-th century: cultural aspects of the poetics study	56
Zhiliakova E.M., Vasilieva E.Y. L. Sterne in creative experiments of young L.N. Tolstoy («la belle Flamande»)	61
Zav'jalova E.E. About steady model of lyrical meditation in Russian poetry 1880–1890 years	66
Kazakov A.A. Classical Literature in electronic forms: problems of philological education	73
Kanunova F.Z. G.S. Batenkov's library in Tomsk	77
Kafanova O.B. Pushkin and George Sande: Creative Discourse (facts and hypotheses)	81
Kiselev V.S. The problem of universal narrative in Russian sentimental aesthetic	89
Meksh E.B. Poet's Prose (Alexander Shiriayevtsev's essay «Overboard»)	95
Panova O.B. Ontological status of the world in philosophic and artistic consciousness of L.N. Tolstoy	99
Razumova N.E. The onthology of fate in Checkov's plays	103
Ribalchenko T.L. Semantics of cinematography in V. Shukshin's novels	113
Shabanov L.V. Metaphorical modelling of sense and him Adiaphorical reflection	125
Seibel N.E. God as a gnoseological category in the Herman Broh's aesthetics	128
Stepanenko S.B. The truth in poetic work of art: anent the hermeneutical-phenomemological concept of literature	135
Yanushkevich A.S. The Philosophy and Poetics of Gogol's Vsemir (the Universe)	145

LINGVISTICS

Gural S. The role of students project activity in developing communicative competence	155
Dronova L.P. Where has a must come from? (To the problem of language reflection of Eurasian cultural dimension)	157
Zhukova N.S. Categorical values and the problem of grammatical synonymy (on the basis of German)	165
Kilmukhametova E.U. The main notions of theory of relevance	170
Kilmukhametova E.U., Kurokhtina E.V. The role of nonverbal means in establishing the communicative goal of the speech act (based on modern french literature)	173
Pesina S.A. The distinction of language and speech in prototypical semantics	177
Petrulina S.P. Functional semantic field of personality in dialect	183
Starikova G.N. Thoughts about russian language	188
Shchitova O.G. The polish borrowings in the Tomsk colloquial speech of the XVII-th century	195

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abacumova N.N., Istomina N.N. Professional self-determination of the subject in the process of foreign language and culture teaching and learning	200
Agafonova L.I. Development of learning strategies in the textbooks of foreign languages for specific purposes (electrophysics and electronic equipment, humanities)	206
Antonenko T.A. Developing foreign language communicative competence with the help of ict. Topic to be considered	210
Zackharova G.V. Intercultural germanistic as the basis of the intercultural approach to teaching foreign languages in Germany	217
Kachalov N.A. Peculiarities of using authentic video materials in foreign language teaching	220
Kuznetsova S.V. From listening to speaking	228
Mikhaleva L.V. The forms of organization of students' self-study activity in foreign languages in conditions of communicative learning	231

Nesterova N.M. Translation theory: hermeneutics vs deconstruction	235
Rakhmanina M.B. Realization of the principle of culture inclusion basis in the educational process of foreign language teaching	239
Rakhmanina M.B. Teaching reading comprehension in a foreign language as a multiaxes structure	244
Rostovtseva V.M., Kachalov N.A. The formation of linguistic competence of higher education subjects on the material of a foreign language	249
Rostovtseva V.M. Linguistic competence as part of modern teacher training strategy	255
Slesarenko I.V. Peculiarities of utterance formulation process based on elements of critical thought and reasoning	260

SOCIALPSYCHOLOGICAL AND BIOMEDICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL PROBLEMS

Galtsova N.P. Development of new technologies within the limits of priority trends of modernizing the educational system	264
Zhiliakova E.M. A.P. Elagina in history of Russian education (on the materials of correspondence with V.A. Zhukovsky)	267

MEMOIRS. MEMORABLE DATA. PERSONS

Kanunova F.Z. The Tomsk's period in my life	280
Bartosevich F.F. On the cross-road of the war	286
Kolesnikova R.I. The roots and branches of ecologists of TSU	290

JUBILEES

Golev N.D., Lebedeva N.B. From jubilee of Olga Iosifovna Blinova	295
---	-----

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	297
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	300

А.П. ЕЛАГИНА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ А.П. ЕЛАГИНОЙ С В.А. ЖУКОВСКИМ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-04-00295а.

На большом архивном материале переписки А.П. Елагиной и В.А. Жуковского поставлен вопрос о значении деятельности Елагиной в истории российской педагогики. Предметом исследования явилось содержание ее педагогических взглядов (в связи с переводами «Практического воспитания» М. Эджворт и «Леваны» Жан Поля Рихтера), а также роль А.П. Елагиной в истории создания журнала «Библиотека для воспитания».

Имя Авдотьи Петровны Елагиной в истории русской культуры связано в первую очередь с развитием искусства, в частности, организацией литературного салона, ставшего местом духовного общения и выработки нравственно-философских, эстетических взглядов целого поколения интеллигенции 1830–1840-х гг. Переписка А.П. Елагиной с В.А. Жуковским открывает одну из важных сторон ее деятельности – участие в становлении и развитии русской педагогической мысли [1–5].

Внимание А.П. Елагиной к проблемам воспитания и образования было продиктовано рядом важных обстоятельств, которые в совокупности обусловили не прекращающееся на протяжении нескольких десятилетий ее активное занятие педагогикой.

Первая и естественная к тому причина – необходимость воспитания и образования собственных детей в домашних условиях дворянской усадебной жизни. Оставшись после смерти первого мужа, В.И. Киреевского, вдовой с тремя малолетними детьми, Елагина взяла на себя ответственность за исполнение родительского долга – воспитать детей и дать такое образование, которое позволило бы им продолжить обучение в любом из университетов России или Европы. Практика домашнего воспитания двух поколений детей, Киреевских и Елагиных, составила опыт, который явился реальной основой ее педагогической системы.

Вторая причина интереса А.П. Елагиной к педагогике коренится в свойствах ее личности: в нравственном и интеллектуальном облике Елагиной выразился тип мыслящего русского дворянского интеллигента 1830-х гг., отличающегося энциклопедизмом знаний и интересов, активностью нравственной позиции, включенностью в проблемы духовного развития русского общества. Педагогика рассматривалась Елагиной и ее единомышленниками как наука, имеющая широкие гуманитарные и гражданские цели.

Важнейшим обстоятельством в истории занятия Елагиной педагогикой явился тот факт, что в течение полувека ее руководителем, собеседником, советчиком, другом и авторитетом по всем вопросам, в том числе и педагогическим, был В.А. Жуковский – ее родственник и друг, поэт и воспитатель будущего императора Александра II, наконец, человек, профессионально занимавшийся вопросами педагогики и воспитания детей и юношества. Параллельно друг с другом на протяжении всей жизни В.А. Жуковский и А.П. Елагина создавали свои педагогические системы, близко соприкасавшиеся по важным вопросам: связь домашнего образования с университетским, вы-

работка методов воспитания, включающих в себя единство идейно-духовных и морально-практических сторон, направленных на гармоническое развитие личности. При этом для Елагиной и Жуковского была характерна ориентация на опыт европейской педагогической мысли, рассматриваемой в широком контексте философских и эстетических ценностей.

I

Ранний интерес Елагиной к изучению европейских педагогических трудов для воспитания своих детей был подсказан Жуковским. В письмах 1813–1816 гг. он настойчиво наставлял Елагину в вопросах нравственного долга матери, ее ответственности за судьбу детей. Отвечая Елагиной на сокрушения по поводу «недеятельности в рассуждении воспитания детей», Жуковский предлагает начать с изучения «чужого опыта». В июльском письме 1813 г. из Черни он ей пишет: «Если где нужна метода и одна постоянная система, то, конечно, в воспитании, ибо здесь каждый шаг, каждая ошибка могут иметь важнейшее следствие на целую жизнь детей. Скажите, имеете ли вы какую-нибудь методу. Ее можно только занять из чтения хороших книг и из чтения порядочного. <...> И в самом образовании нравственности нужна метода. Чтобы получить ее, надобно спроситься с книгами: в них собраны чужие опыты, которые можно приурочить к своим обстоятельствам. Займитесь же сперва воспитанием как наукой для себя, потом будете исполнять прочитанное на деле [6. Л. 8]. Характерна серьезность подхода Жуковского к проблеме воспитания. Он называет воспитание «наукой», говорит о необходимости выработки целой «методы» в смысле системы и ориентирует Елагину на изучение «книг о воспитании, которых, – как он пишет, – и у вас и у меня довольно» [7. С. 205].

В письме от 15 мая 1815 г. из Мишенского Елагина, вдохновленная дружеской поддержкой Жуковского, выразившего готовность стать опекуном ее детей, определяет свою решимость рядом аналогий, среди которых одна особенно значима для характеристики ее педагогического кругозора и ориентиров: «Я готова быть Гольдсмитовым викаром в темнице, Soeur de Charite¹ со своими больными, миссионером с мужиками, самим Песталоцци с детьми своими и со всею моею семьею» [8. № 16. Л. 11]. Выбор швейцарского педагога Песталоцци за образец личности воспитателя говорит многое об Елагиной². Одним из ключевых в эпистолярной дискуссии Елагиной и Жуковского был вопрос о фор-

ме и этапах образовательного процесса. В письме от 7 ноября 1816 г. Жуковский определяет программу поэтапного обучения детей Киреевских. В этом письме упоминаются имена двух приглашаемых в дом Елагиной учителя – немцев Вагнера и Цедергрена. Жуковский предлагает распределить занятия таким образом, чтобы в обучении участвовала мать: «Я бы разделил вот как! Немецкий язык, Латынь и Математика Вагнеру; Греческий, История со товарищи Цедергрена; Французский и Русский язык и сами дети матери» [6. Л. 21]. Условием хорошего домашнего образования Жуковский считает приобретение детьми «фундаментального знания», чтобы, по его словам, «дети были бы обеспечены со всех сторон на счет учения». И тогда возможно осуществление поэтапного образования: «Вы бы тогда могли надолго, на всю раннюю молодость оставить их дома; они бы прекрасно приготовились для университетского учения; а Университет не повредил бы их нравственности, приготовил бы их для деятельной жизни. Таким образом соединились бы для них выгоды домашнего воспитания с воспитанием публичным» [6. Л. 21]³. Эта концепция будет положена Елагиной в основание ее педагогической деятельности.

В полном согласии с идеями и планами Жуковского Елагина стремилась в процессе домашнего воспитания и образования формировать в каждом своем ребенке личность, сохраняя при этом неповторимую индивидуальность. В письме от 4 марта 1816 г., говоря о своем плане воспитания, Елагина не в первый и не в последний раз повторяет Жуковскому о их нераздельном духовном союзе в воспитании ее детей: «Как же ваше будущее чем-нибудь связано с этим планом? – Ежели дети мои будут уметь понимать добро, ежели сердца их будут благоговеть при добром деле больше, нежели при удовольствии, то с их жизнью связано и прошедшее ваше, не только будущее?» [8. № 18. Л. 10, об].

В 1821 г. Елагина осуществляет второй этап образования детей Киреевских: она переезжает в Москву с целью приобщить старших – Ивана и Петра – к университетскому кругу. При этом она проявляет стойкость и настойчивость характера, преодолевая трудности материального плана, сопротивление и недовольство А.А. Елагина и многое другое, т.к. понимает важность университетской среды для развития нравственности и гражданственности своих детей.

II

Педагогика являлась важнейшим звеном в нравственно-философской системе А.П. Елагиной, для которой характерен был синтез, отразивший существенные черты времени: соединение идеально-романтических представлений о природе человека с выработкой методов реального воспитания личности в семье. Синтез идеального с практическим проявился в пристрастии Елагиной к двум особо почитаемым и выделяемым ею авторам в области педагогики: ирландки по происхождению, английской писательницы Марии Эджворт и немецкого сентиментального писателя Жан Поля Рихтера, автора знаменитого педагогического трактата о воспитании «Левана».

М. Эджворт и Ж.П. Рихтер в своих педагогических трудах представляют две европейские школы, несущие на себе печать двух национальных культур – со своими коренными особенностями, традициями и методами. Однако общее, что объединяет «Практическое воспитание» М. Эджворт и «Левану» Ж.П. Рихтера и что явилось основой для глубокого и устойчивого интереса к ним со стороны А.П. Елагиной, – это, во-первых, широкая нравственно-философская постановка проблемы личности, включающей вслед за Руссо этап детства в контекст общечеловеческого развития; во-вторых, актуализация проблемы обучения, а именно выделение в качестве важнейшего вопроса об особой роли воспитателя, родителей как активных участников процесса становления детского характера; и, наконец, третий, – эстетический аспект. Эти книги созданы не совсем обычными педагогами. М. Эджворт и Ж.П. Рихтер – писатели, активные общественные деятели, просветители и философы. Их книги обладают, в отличие от строго научных теоретических исследований, особым эмоционально-художественным воздействием, а поставленные проблемы психологии приобретают нравственно-философскую значимость общечеловеческого содержания.

«Практическое воспитание» М. Эджворт написано в традициях английской философской и педагогической мысли, характеризующейся морально-практической направленностью. В.А. Жуковский в письмах к А.П. Елагиной неоднократно подчеркивал особую значимость английской философии и культуры в сравнении с отвлеченно-идеалистической немецкой философией. В письме 1826 г. в связи с кругом чтения юного Ивана Киреевского Жуковский пишет: «...пускай потом познакомится с нравственными писателями и философами Англии. Нам еще не по росту глубоко-мысленная философия немцев, нам нужна простая, мужественная, практическая нравственная философия, не сухая, материальная, но основанная на высоком, однако ясная и удобная для применения в деятельной жизни» [9. Л. 10]. Замечательно, что в 1852 г., подводя итоги творческой и педагогической деятельности, Жуковский определяет характер своего задуманного труда о воспитании в параметрах, свойственных английской педагогической школе: «Как бы я желал, – пишет он Елагиной, – показать вам мои педагогические работы: вы бы нашли их довольно оригинальными; и если бы Бог позволил мне исполнить план мой, то после меня остался бы, для пользы русских семейств, практический, весьма умозрительный курс первоначального учения, который солидно бы приготовил к переходу в высшую инстанцию учения» [10. Л. 105. Курсив мой. – Э.Ж.]⁴.

Переведенная Елагиной книга М. Эджворт «Практическое воспитание» представляет собой практический курс первоначального учения. В основе педагогической концепции М. Эджворт лежит учение Ж.-Ж. Руссо о естественном начале личности, проявляющемся в нравственном чувстве ребенка, а также философские труды английских моралистов, развивающих теорию врожденных симпатий человека. «Приятна теория философа, – пишет М. Эджворт, – производящая из симпатии все

нравственные чувства» [11. С. 243]. В своей книге М. Эджворт приводит слова Руссо: «Надобно уметь слушать детей, чтобы получить право с ними разговаривать» [11. С. 68], цитирует в качестве аргументов выдержки из трудов Бэкона, Локка, Стюарта, а также Бюффона, Франклина, мадам Жанлис, мадам де Сталь и др. Однако М. Эджворт не повторяет слепо своих предшественников. Она вступает с ними в полемику по главному педагогическому вопросу – о возможности активного воздействия на личность и о методах воспитания. Цель педагогической деятельности М. Эджворт видит в развитии гармонической личности, живущей в обществе. Достижение этой цели определяет моральную направленность ее педагогической системы, методы воспитания и исключительно важную роль родителей и педагогов.

По существу, «Практическое воспитание» описывает и объясняет приемы, механизмы выработки физического здоровья и моральных качеств: правдивости, честности, гордости, послушания, а также пути формирования вкуса, воображения, памяти, внимания и т.д. Отдельные главы так и называются: «О внимании», «О правдивости», «О тщеславии, гордости и честолюбии» и пр. Книга представляет своеобразную энциклопедию, в которой в равной мере обращается внимание на игрушки, игры, картины, даются рекомендации о привитии трудовых навыков, о воспитании внимания, любознательности и т.д. На страницах книги даются советы по обучению специальным дисциплинам (грамматике, классической мифологии, географии, «хронологии», геометрии, химии и пр.), но за вопросами частного и специального характера вырастает центральное здание книги – гуманитарное развитие личности ребенка.

Практическая направленность концепции воспитания М. Эджворт обеспечивается главным методологическим принципом – осуществлением в деятельности идеи соразмерности, равновесия, гармонии на всех уровнях и во всех сферах воспитательного процесса. Принцип соразмерности носит у М. Эджворт универсальный характер, он проявляется не только в уважении и внимании к жизненным обстоятельствам, но определяет содержание критерия нравственных ценностей. В главе «О симпатии и чувствительности» М. Эджворт утверждает необходимость обязательного контроля над безмерной чувствительностью со стороны рассудка: «Если душевная симпатия не озарена светом рассудка, то бывает не путеводителем в нравственном поведении, а заманчивой западней, в которую почти нельзя не оступиться» [11. С. 243]. Требование «сохранять всегда точную середину» [11. С. 266] является универсальным в рекомендуемых автором методах воспитания и обучения. Исключительная роль отводится воспитателям. От их нравственной зрелости и умения зависит судьба ребенка. С почтением Эджворт пишет о Фенелоне: «Воспитанник Фенелона никогда не приобрел бы отличавшей его чистоты сердца, если бы та же чистота сердца не была отличительной чертой его наставника» [11. С. 151].

Важную роль в своей книге М. Эджворт отводит эстетическому воспитанию. Елагина в отступлении от переводчика поддерживает автора в ее размышлениях

и необходимости начинать обучение детей на родном языке [11. С. 235]. Эджворт подчеркивает, что чтение сказок («Сказки суть романы для детей» [11. С. 310]), описательной поэзии, мифологии важно не только как постижение своей и чужой культуры (например, она пишет: «Без знания мифологии классическая поэзия совсем непонятна» [12. С. 19]), но более всего как способ формирования художественного вкуса: «Поэтическое описание, – пишет Эджворт, – должно предпочитать прочим; пользуясь минутой, в которой живо еще впечатление картины, дайте ребенку чувство красоты поэтической» [12. С. 20].

В книге М. Эджворт, ориентированной более всего на семейный круг, освещался и вопрос о соотношении частного и общественного воспитания. Позиция М. Эджворт полностью совпадала с точкой зрения Елагиной, Жуковского и других деятелей русского просвещения XIX в. «Характер двадцатилетнего юноши, – пишет автор, – зависит от того, чем он был в десять лет, а десятилетний мальчик таков, каким сделало его воспитание: в доме отцовском получает он направление целой жизни, решающее дарование его и характер» [12. С. 75].

Таким образом, обращение А.П. Елагиной к педагогическому труду М. Эджворт было обусловлено близостью важнейших положений их педагогических концепций, основанных на глубокой заинтересованности в разработке реальных методов практического руководства, становлением гармонически развитой цельной нравственной личности. Неослабевающий интерес к книге М. Эджворт характеризует нравственно-философскую позицию самой Елагиной, ее ориентацию на духовные ценности, которые она утверждала в реальной практической деятельности.

Книгу Жан Поля Рихтера «Левана, или учение о воспитании» («*Levana oder Erziehlehre*», 1807) правильно назвать поэтическим трактатом, созданным философом и вдохновенным мечтателем. Как справедливо пишет М.Л. Троцкая, внимание к Ж.П. Рихтеру в русской культуре 1820–1830-х гг. было обусловлено процессом «выработки личного мирозерцания»: «Его “высокая” тематика – нравственное самовоспитание, титанические чувства, бессмертие души – это комплекс тем, исчерпывающий основную тему – становление личности» [13. С. 258].

Интерес Елагиной к творчеству Ж.П. Рихтера носил многоаспектный характер⁵. Известно, как сильно была увлечена философией Рихтера ближайшая подруга А.П. Елагиной М.А. Протасова-Мойер [13. С. 265; 15. С. 150]. Принципиально важной и родственной для Елагиной оказалась сентиментальная основа эстетики и этики Ж.П. Рихтера. Сентиментализм мироощущения Рихтера, проявлявшийся в своего рода «анархизме», в «критической позиции Ж. Поля и в отношении как чисто эмпирического, так и чисто умозрительного направления в эстетике» [13. С. 275], при всем своем идеализме открывал перспективу многомерного восприятия жизни и искусства за счет синтеза идеального и реального. А.П. Елагина, переводившая «Введение в эстетику», в том числе параграфы «Поэтические нигилисты» и «Поэтические материалисты», находила в философском

мышлении немецкого автора близкое ей стремление к уравниванию духовного с телесно-земным, идеального с реальным.

Отличительная черта «Леваны», так пленившей Елагину, – ее философский характер и высокая романтическая идеальность в представлении о человеческой природе, воплощенная в патетическом и метафорическом стиле, легко сочетающемся с простым повествованием и юмором, когда речь идет о конкретных способах обучения. Для педагогического труда Рихтера в полной мере характерны особенности эстетического трактата «Введение в эстетику». Во-первых, это открытость педагогической системы всем сферам культуры – литературе, философии, науке о человеке, – в которых заключены возможности понимания человека и развития гармонической личности. Другая особенность состоит в том, что книга о педагогике, как и «Введение в эстетику», написана «по тем же самым поэтическим законам, которым он следует и в своем поэтическом творчестве» [16. С. 11].

В первой главе, названной «Важность воспитания», Ж.П. Рихтер объясняет философски-универсальный подход к этой проблеме: дети – будущее человечества, и от характера их воспитания зависит судьба мира. Жан Поль пишет: «В ребенке нам открывается будущее, в которое мы только заглядываем, как Моисей в землю обетованную, но не ступаем; и одновременно в ребенке перед нами предстает обновленным и прошлое, из которого мы пришли. <...> Если бы существовало совершенное и всемогущее искусство воспитания и воспитатель жил в согласии с самим собой и другими воспитателями, то ближайшее, а через него и далекое будущее стало бы нам более подвластным, потому что с каждым ребенком история начинается заново» [17. С. 19]*.

Философской основой педагогики Жана Поля явилось учение Руссо о естественном человеке. Опираясь на Руссо, Жан Поль сосредоточивает внимание на концепции идеального начала в нравственном мире человека. «Каждый из нас, – пишет Ж.П. Рихтер, – носит в себе идеального человека, которого мы тайно уже с юности стремились сделать свободным или спокойным. Этот внутренний дух наиболее заметен в период расцвета всех сил в юности» [17. С. 46].

В центре размышлений Рихтера находится состояние духовного мира индивидуального человека: «Каждое Я – это личность, следовательно, духовная индивидуальность» [17. С. 50]. Главную задачу воспитания Жан Поль видит в сохранении и развитии неповторимой нравственной индивидуальности: «Индивидуальность – то, что наполняет душу эстетическими, нравственными и интеллектуальными силами, что, подобно материи света, незаметно придает ей многокрасочную видимость» [17. С. 50]. Рихтер разделяет понятия «умственной индивидуальности» и «нравственной» («если индивидуальность ума – мелодия, то нравственная индивидуальность – гармония» [17. С. 51]). В отношении «умственной индивидуальности» Жан Поль настаивает на необходимости строгой и последовательной корректировки педагога в виде постоянной активизации и «до-

полнения»: «Любое своеобразие ума, например, его математический, творческий, философский склад – это бьющееся сердце, для которого все учения и дарования служат лишь артериями, наполняющими его материалом для переработки. Именно здесь задатки и таланты должны дополняться и воспитанник не должен давать творческой индивидуальности снотворное еще на расвете. Но совсем по-иному следует обращаться с нравственной индивидуальностью» [17. С. 51]. Именно в сохранении нравственной индивидуальности состоит долг воспитателя.

Многие страницы книги заполнены взволнованными и страстными филиппиками в адрес неразумных воспитателей. Жан Поль предупреждает об опасности, грозящей личности ребенка со стороны недалеких и неразвитых родителей. Он дает отрицательную типологию разнообразных форм проявления «злых духов воспитания». «Обычно родители, – пишет Рихтер, – мысленно представляют себе вместо одного идеального образа целую галерею образов, которые они пошутно накладывают на ребенка и втравливают их в него как татуировку» [17. С. 42]. Другой формой проявления «злых духов воспитания» является родительский эгоизм: «Многие родители воспитывают детей только для родителей, воспитывают “неподвижными машинами”, “будильниками”, которые не заводят до тех пор, пока хочется покоя. Каждую минуту ребенок должен быть для них то подушкой, на которой мягче всего спится, то барабаном, на котором можно выбивать самую громкую дробь» [17. С. 43]. Наконец, есть родители, похожие на механиков, желающие сделать из ребенка прежде всего послушного, безвольного, выдрессированного исполнителя. «В результате осуществления их основного принципа воспитания... здания государства должны были бы населять безмолвные прядильные, вычислительные, печатающие машины, маслобойки и заготовки для мельниц, прядильных машин и т.д. Вместо того, чтобы каждый ребенок, рождаясь без прошлого и будущего, каждый раз начиная свой отсчет сначала, приносил с собой новое время, государство должно вместо этого будущего, которое могло бы омолодить его как духовно, так и физически, предпочесть будущее, которое остановит колеса его механизма и ляжет на них ледяными оковами» [17. С. 44].

Истинная миссия воспитателя состоит в том, чтобы «в самое важное десятилетие жизни ребенка, в которое рождаются все его чувства, окружить эту львиную силу самыми нежными привычками прекрасного сердца, обвить ее лентами любви» [17. С. 20]. «Своим воспитанием, – поэтическим языком пишет Жан Поль, – вы дадите ребенку небо с путеводной звездой, которая всегда указывает ему путь, в какие бы страны он не попал» [17. С. 21].

Можно предположить, что в круге обсуждаемых Рихтером проблем, в числе которых нашли место и практические вопросы, перекликающиеся с книгой М. Эджворт (об этом можно судить уже по названию глав: «Игры», «Танцы», «Музыка», «Требования и

*Здесь и далее перевод Д.А. Олицкой.

запреты»), а также вопросы воспитания мальчиков и девочек, особенности частного и государственного образования), для А.П. Елагиной особенно значимыми оказались параграфы: «Религия и воспитание», «Развитие чувства прекрасного».

Субъективно родственным для Елагиной должен был быть оптимистический характер педагогики Жан Поля. Рихтер считал жизненной стихией телесного и духовного воспитания веселость. «Веселость и радость – это небо, под которым все преуспевает, кроме яда. Веселость – это в одно и то же время и почва и цвет добродетели и венец ее. <...> Милые дети да живут в своем раю, подобно первым родителям; они же ведь были и первыми детьми. Что теплота для тела младенца, то же самое веселие и радость для его души» (цит. по: [18. С. 301]).

Личный педагогический опыт А.П. Елагиной, ее высокие идеальные представления о человеке и жизнерадостный, деятельный характер соотносимы с позицией автора «Леваны». Веселость как жизненная атмосфера, здоровый тонус, создаваемый в семье играми, занятием трудом; религиозное воспитание, понимаемое как закон нравственности, а не формальное исполнение церковных обрядов, глубокое погружение в мировую культуру, культ гражданских героев античности – всё это определяло духовную жизнь большого семейства Елагиных. Характерен эпизод из жизни семьи осенью 1830 г. в Москве, когда эпидемия холеры привела многих в страшное уныние, но только не Елагину и ее «ахейцев». Авдотья Петровна пишет Жуковскому 8 и 18 октября 1830 г.: «Учение детей продолжается, как и в благополучное время, а лишнее затеяла я разные игры: воланы, сегсесау⁶, мячики, чтобы беганьем и веселостью поддержать мой молодой народ. <...> Холера все еще царствует и не уступает ни мерам предохранительным, ни целительным: уныние и буйство, кажется, более и более уменьшаются <...> Бодрость духа – главное средство спасения» [8. № 32, л. 4, 15, об.).

Таким образом, круг чтения и переводов А.П. Елагиной позволяет говорить о своеобразии ее нравственно-педагогической позиции, характеризующейся особым синтезом, включающим в себе идеальные представления о духовном мире человека и практическое освоение реальных методов воспитания этой духовности.

III

Педагогическая деятельность Елагиной не ограничивалась сферой воспитания своих детей, а также родственников и молодежи, окружающей ее подрастающих сыновей. А.П. Елагина участвует в создании российского педагогического журнала «Библиотека для воспитания».

К середине 1820-х гг., времени начала московской жизни Елагиной, ее общения с широким кругом русской молодой интеллигенции, так или иначе связанной с Московским университетом и Московским Архивом при Коллегии иностранных дел, возникает замысел систематизировать накопленный практический опыт, сделать переводы лучших европейских книг о

воспитании доступными для русского общества. Этот замысел оформляется в план издания «Библиотеки для воспитания», в котором Елагина приняла участие как инициатор, переводчик, автор, привлечший к работе и сестру, А.П. Зонтаг.

Первое сообщение о цикле педагогических работ появляется в письме к Жуковскому от 6 февраля 1829 г. Елагина спрашивает Жуковского как бы от анонима: «Еще дает мне некто комиссию заставить тебя спросить у ваших умных книгопродавцев, не купит ли кто из них перевод Education Pratique de Miss Edgeworth – Education de Miss Hamilton, Levana Рихтерова и еще писем de Guizot⁷ о воспитании» [4. № 31, л. 1]. Этот «некто» сама А.П. Елагина, переведшая к этому времени «Практическое воспитание» Марии Эджворт и работающая над «Воспитанием» Гамильтон, «Леваной» Рихтера и «Письмами о воспитании» Гизо. Жуковский тотчас откликнулся на ее предложение в письме от 13 февраля 1829 г. с замечанием: «Леваны переводить не советую, ибо ее нельзя перевести и по-русски выйдет галиматья из того, что по-немецки превосходно. М. Edgeworth и Hamilton другое дело. Но за успех не ручаюсь» [10. Л. 7, об]. Осторожный тон Жуковского объясним вполне, если учесть необычность торжественно-патетического стиля Жан Поля Рихтера, отличного от ясной, морально-практической прозы М. Эджворт.

Несмотря на сомнения Жуковского относительно «Леваны», Елагина не оставляет работы. В письме от 19 августа 1836 г. она сообщает: «На будущей неделе пришлю вам одну главу из “Леваны”; посмотрите, годится ли она вместо Сильвио Пеллико. Это потруднее, но теперь чем больше труда, тем мне легче» [8. № 39, л. 14, об.].

К 1839 г. замысел педагогического издания обретает реальные очертания. Судя по письмам, Елагина собирает вокруг этого проекта целый коллектив единомышленников, друзей, «братий и сестер». Но пока она не получает достаточной поддержки, о чем говорится в письме Жуковскому от 12 апреля 1839 г.: «Я было затеяла собрание всех хороших сочинений о воспитании: Edgeworth, Hamilton, Necker⁸ с братиею и сестрами, не включая любезной моей Леваны, писала об этом Одоевскому, но, не получа ответа, отложила свое предприятие. Оно слишком обширно, чтобы могло придти для него благоприятное время» [8. № 42, л. 1, об.]. Жуковский, заботясь о сестрах Юшковых (т.е. об А.П. Елагиной и А.П. Зонтаг) и стараясь найти им творческую работу, которая давала бы занятие и заработок, предлагает подготовить издание библиотеки сказок мира для детей. Елагина с энтузиазмом берется за переводы, предлагая в свою очередь подготовить издание еще двух библиотек – лучших романов мира и библиотеку для воспитания. В письме от 7 декабря 1839 г. после перечисления состава предполагаемой библиотеки сказок («1000 и одна ночь», Гримм, Перро, Музеус, Гофман, Шпис, Ламот-Фуке) и романов (Гете, Жан Поль, Мандзони, Мадам де Сталь), Елагина предлагает: «почему нейти и еще одной библиотеке, которой вы хотели сделать планиметрию, Библиотеке для воспитания».

Локк⁹
Эмиль¹⁰
Miss Hamilton
M. de Guizot
M. de Campau¹¹
Fenelon, Education. des filles¹²
M. de Lambert
M. de Neckek Saussure
<нрзб.>

Levana etc., etc., etc.» [19. Л. 3, 4, об.].

Составленный список авторов работ по воспитанию, охватывающий педагогические системы обучения в Англии, Германии, Франции, свидетельствует о широте и эрудиции Елагиной по этому вопросу, позволяющим ей активно включать европейский опыт в русскую практику.

Судя по переписке Елагиной с Жуковским, 1839 – 1841 гг. заняты работой над переводами сказок, но, по всей видимости, идея издания библиотеки для воспитания не замирает. Более того, сами переводы сказок входят в состав задуманного педагогического труда как важная часть детского чтения. То есть занятия переводами сказок стимулируют и укрепляют замысел по педагогике.

В 1842 г. Елагина приступает к исполнению своего плана; в этом же году С.П. Шевырев произносит Речь в Московском университете о соотношении домашнего и государственного образования. Начиная с мая 1842 г. письма Елагиной к Жуковскому запечатлевают хронику начала издания «Библиотеки для воспитания». В письме от 6 мая 1842 г. Елагина сообщает: «Я предлагала Одоевскому библиотеку для воспитания, но без вас ничего предпринимать не хочет. Увидим, что выйдет из наших общих сил, обе (А.П. Елагина и А.П. Зонтаг. – Э.Ж.) мы имеем порядочный запас доброй воли и любви, но, кажется, это не многим нужно. От воспитателя казенные места требуют парижского выговора, а книгопродавцы известности» [19. Л. 36].

Сделанное замечание об отношении государства к проблемам воспитания исполнено горечи и служит объяснением причин активного и настойчивого стремления Елагиной внедрить в общественное сознание культ воспитателя и на деле, с помощью специального издания, помочь практической деятельности на поприще образования детей и юношества. В письме от 12 ноября 1842 г. Елагина сообщает Жуковскому о своей работе и просит подключиться к ней: «Вожусь теперь с Леваной и изданием годовых детских книг: если бы переложили в стихи одну Гриммову сказочку, хоть Hanzel und Gretel¹³ – то-то бы я рада» [19. Л. 42]. Письмо приоткрывает картину состава библиотеки, включающей, помимо теоретических работ, собственно библиотеку чтения для детей. В ноябрьском письме 1842 г. Елагина раскрывает программу издания: «Я начала великую работу, даст ли Бог удачи: Библи<отеку> для воспитания. – Дайте совет, что и как издавать. Мы хотим 6 книжек в год, 3 для чтения детям и 3 для матерей, чтобы уже никак не делить их. – Будет Miss Edge<worth> (она готова), Левана, М. де Некер, Schwarz¹⁴» [19. Л. 45, об.].

Важным документальным свидетельством об истории создания «Библиотеки для воспитания» является письмо Елагиной от 10 марта 1843 г. В нем рассказывается о роли Д.А. Валуева, о стремлении Елагиной вовлечь в работу большой коллектив сотрудников, о составе «Библиотеки» на 1843 г., о внутренней, содержательной связи предпринятого издания с замыслом Жуковского напечатать «Одиссею» и «Илиаду» в редакции для юношества и, наконец, о предполагаемом и желаемом руководстве «Библиотекой» Жуковским. Елагина пишет: «О библиотеке для воспитания скажу только, что это предприятие не может мешать вашему; думаю даже, что может служить ему введением. – Библи<отека> уже издается Семеном на его счет и, кажется, для одной его прибыли. Вот как все это делалось. Сестра Анна П<етровна> прислала прошлого года несколько переводных сказочек и поручила продать. Никто не давал ни гроша. Валуев видел между тем, что у меня есть кое-что, переведенное, – помнил мое желание издавать Биб<лиотеку> для воспитания именно так разделенную, как вам хочется, поехал в Симбирск и сообщил это Языкову Александру Михайловичу, брату Николая. Тот задал работу некоторым Симбирским дамам, предложил издание Семену, – и вот что вышло. Я дала Miss Edgeworth – дамы и сестра сказочки, и это составило 3 тома детского чтения и 3 теоретического чтения для родителей. – Это на первый 43-ий год. – Извольте руководствовать всем, все охотно и радостно покорятся вашему руководству. От Семена никто ничего не получает, а все рады что-нибудь делать путное. Вот и все для сотрудников. – Ваш план точно такой же, какой был мой, выключая основанием взять Нимейера, сухого педанта, известного своим безверием. – Если вы возьмете издание на будущий год, укажите нам дело, мы работать готовы. – В наших чтениях предполагаем мы издать: 1-е. Историю по Геродоту, для детей. 2. Илиаду и Одиссею, также для детей. – В 1-м томе напечатан Нибуров рассказ своему сыну Heroengeschichte¹⁴, очень хорош. – 3. Мифологию для детей и т.д. Приезжайте сюда и займитесь этим. Это будет великолепно» [19. Л. 50, об.].

I и II части первого номера «Библиотеки для воспитания» (1843 и 1844 гг.) содержали в себе «Практическое воспитание». Соч. М. Эджворт. Перевод с английского, сделанный А.П. Елагиной. На задней обложке первого номера «Библиотеки для воспитания» («Отделение I, часть I», цензорское разрешение 6 февраля 1843 г.) был опубликован проспект журнала. Текст его, по всей видимости, принадлежит перу Авдотьи Петровны, поскольку почти дословно повторяет ее письмо к Жуковскому от 10 марта этого же года: «В 1843 году будет издаваться Библиотека для Воспитания, расположенная на два отделения. Одно посвящается воспитателям, другое детям. Цель первого состоит в том, чтобы собрать вместе и передать нашим соотечественникам все лучшие системы воспитания частного. Писатели Английские, Французские и Немецкие, известные полезным и хорошим направлением, будут помещены в переводах, сколько возможно верных. Здесь найдут Г-ж Гамильтон, Эд-

жеворт, Мур, Гизо, Неккер-де-Соссюр, Левану Ж.П. Рихтера; Песталоцци; Шварца и других, посвятивших себя воспитанию юношества. Во втором отделении матери найдут приятное чтение для детей своих. Это отделение будет столько же разнообразно, сколько занимательно. В нем заключаться будут: История Греческая по Геродоту, Илиада, Одиссея и многие другие повести, рассказанные детям. Библиотека для Воспитания в 1843 году будет выходить в 6-ти томах: первые 3 для воспитателей, вторые 3 для детского чтения» [11, задняя обложка].

К сожалению, на этом участие Елагиной в издании «Библиотеки для воспитания» закончилось. Перед нами два документа, увидевших свет почти одновременно и повествующих о прекращении издания Отделения «Библиотеки для воспитания», рекомендуемого родителям.

На задней обложке II части Отделения первого тома первого, в которой завершалось печатание «Практического воспитания» (цензорское разрешение 6 ноября 1843 г.), сообщалось: «Вследствие желанья, выраженному многими из подписавшихся, и убедившись, что у нас существует гораздо большая потребность в хороших книгах для детей, чем в системах и книгах для воспитания, Редакция Библиотеки решилась сделать изменение против программы: за предлагаемыми ныне 2-м и 3-м томом для воспитанников будет следовать еще 4-й том, который заключит собою Троянскую войну. Первое же отделение для воспитателей заключается 2-м томом» [12, задняя обложка]. Это заявление Редакции вступало в противоречие с замыслом Елагиной о создании библиотеки для родителей о методах воспитания в семье. О прекращении своего участия в издательском проекте Елагина пишет Жуковскому 9 декабря 1843 г.: «<...> Библиотеку для <воспитания> я также оставила; во-первых, по нестерпимой головной боли, а во-вторых, и главное, потому что не так пошло, как бы желала. Если даже в рукоделии примежается другой со своими узорами, то приняться за него не хочется, тем больше еще в серьезном труде. Валуев завладел моей мыслью, зачал издание, напустил туда вздору, и теперь жду сестру Анну Петровну. Авось она вступится и, дожидаясь вас, возьмет на себя издание. Тогда все переменить не будет трудно и вам начать будет можно по вашему плану» [19. Л. 52].

На протяжении еще двух лет Елагина не теряет надежды на возвращение Жуковского в Россию и возрождение «Библиотеки для воспитания» как издания, направленного на создание педагогической системы и пропаганде методов, опробованных выдающимися педагогами Европы. В апреле 1844 г. она жалуется Жуковскому: «Библиотека, ожидая вашего приезда, издается уже без моего содействия. Валуев вырвал у меня ее из рук – и теперь передал профессорам» [19. Л. 61, об.].

Разочарование Елагиной в издаваемой без ее содействия «Библиотеке для воспитания» было следствием исключения из планов публикаций теоретических работ по педагогике, что приводило к умалению значимости вопроса о роли воспитателя, к односторонности издания, к падению его широкого гуманитарного влияния на общество в целом. «Библиотека» пре-

вратилась в интересное и полезное художественно-историческое издание для чтения детей и юношества, но была лишена научно-теоретического и методического корпуса материалов, обеспечивавших полноту и оптимальное развитие образовательного процесса, иными словами, «Библиотека для воспитания» потеряла системное основание. Тем не менее участие Елагиной в создании «Библиотеки для воспитания», в разработке совместно с Жуковским концепции семейного воспитания, основанной на активном овладении опытом европейской науки и включении его в русскую педагогику, во многом способствовало развитию отечественной педагогической мысли. Тому непосредственное свидетельство Речь «Об отношении семейного воспитания к государственному», произнесенная 18 июня 1842 г. в торжественном собрании Императорского Московского университета Ординарным Профессором русской Словесности, Доктором Философии и Членом Педагогического института Степаном Петровичем Шевыревым.

С.П. Шевырев (1806–1864) – историк русской словесности, критик и поэт, в 1830-е гг. один из молодых друзей А.П. Елагиной, посещавший ее дом, друживший с И.В. Киреевским, опекавший по просьбе Елагиной Н.М. Рожалина в Италии и Германии. А.П. Елагина во многом способствовала через Жуковского получению молодым ученым кафедры эстетики после смерти А.Ф. Мерзлякова. Общаясь с Елагиной, Шевырев не просто находился в курсе волнующих ее вопросов, но был приобщен к проблемам педагогики во всей полноте их содержания, включавшего идеи Жуковского, лучшие опыты европейских педагогов. Не случайно в речи Шевырева отчетливо просматривается близость главных ее положений к идеям Жуковского, Елагиной, а также автора «Левань». В 1830-е гг. Шевырев был одним из самых активных почитателей Жан Поля Рихтера в России [13. С. 275].

Свою Речь Шевырев начал с утверждения, что вопрос воспитания является «живым, государственным, всенародным», и что его главная мысль состоит в том, «как создать в России воспитание единое, живое, народное, соответствующее нашей почве и истекающее из потребностей нашей жизни» [20. С. 1–2]. В названии самой Речи Шевырев обозначил сущность проблемы – связь семейного и университетского образования как двух этапов восхождения личности от общечеловеческих ценностей к гражданским. При этом акцент был поставлен на особой значимости для русского общества проблемы воспитания в семье, которая, по словам Шевырева, является фундаментом прочной государственности: «Эта святыня внутренняя есть семейство, – и между тем как государство в своих заведениях образует человека общественного, внешнего, – здесь, в невидимом лоне семьи, рождается, растет и зреет человек внутренний, цельный, дающий основу и ценность внешнему» [20. С. 3]. По существу, Шевырев повторял мысли и суждения В.А. Жуковского, опубликованные им в начале века [21].

Шевырев солидарен с Елагиной и Жуковским, рассматривая вопрос об отечественной воспитательной системе в контексте европейского опыта. В Речи дела-

ется широкий экскурс в историю педагогики в Греции, Римской империи, затем во Франции, Англии, Германии с целью выявить своеобразие русского воспитания, которое Шевырев более всего видит в статусе семьи, способствующей наиболее полному развитию нравственного начала в личности. В духовном составе русской семьи Шевырев выделяет три слитные стихии: «Первый слой ее, самый глубокий, основной, да будет Христианский, здесь должен начинаться корень духовного бытия каждого русского человека, как зачался и осветился корень жизни всей России; второй слой ее, средний, да будет народный, согретый крепкою любовью ко всему отечественному и уверенностью в великое будущее призвание России; третий, наконец, наружный, да будет слой избранного Европейского образования, воплощающего в себе все то, что доброго завещал Запад для усвоения всем векам и народам» [20. С. 47]. Для утверждения в семье христианской и народной стихии, по мысли Шевырева, в полном согласии с мнением А.П. Елагиной, «необходимо водворение полного христианского нравочужения» [20. С. 48] и раннего обучения на родном языке: «Язык есть невидимый образ всего русского человека. <...> О да будет же Русский язык семейным языком младенца нового времени! Окружайте колыбель

его сладкозвучными песнями и преданиями родины, да вырастит ваше дитя на этих звуках и чувствах, как вырастала в них богатырская Россия!» [20. С. 49]. В подобных взволнованных выражениях обращалась А.П. Елагина к В.А. Жуковскому в связи с рождением у него в Германии сына Павла: «О, как жаль, что вы не здесь, не в России! И что я не могу ходить за вашим сыном и за Елисаветою. Вам надобно скорее сюда. Надобно, чтобы язык наш бежал ему в душу, чтобы воздух наш живил его и ему был родной, что нельзя иначе, как вдыхая его с колыбели» [19. Л. 66].

Таким образом, совпадение по времени Речи «Об отношении семейного воспитания к государственному» С.П. Шевырева в стенах Московского университета и подготовка к выходу первого номера «Библиотеки для воспитания» с переводом книги М. Эджворт не было случайным. В этом одновременном обращении деятелей русской науки и культуры к проблемам воспитания нашла отражение активизация процесса выработки философским и общественным сознанием России концепции личности, которая в идеале сочетала бы в себе нравственную свободу с идеей гражданской ответственности. Достойное место в этом процессе и в истории отечественной педагогики должно быть отведено А.П. Елагиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 135–147, 374–380.
2. Бартнев П.И. Авдотья Петровна Елагина // Русский Архив. 1877. № 8. С. 483–495.
3. Касаткина В.Н. Роман в письмах (В.А. Жуковский и А.П. Киреевская) // Российский литературоведческий журнал. 1977. № 11. С. 231–268.
4. Канторович И. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 165–209.
5. Ястребинская Л. Письма Авдотьи Петровны Елагиной // Русская литература. 1998. № 4. С. 99–115.
6. Рукописный Отдел ПД. Ф. 265, оп. 2, № 1040.
7. Русская старина. 1883. № 1.
8. Рукописный Отдел РГБ. Ф. 104, картон VII.
9. Рукописный Отдел РГАЛИ. Ф. 236, оп. 3, № 10.
10. Рукописный отдел РНБ. Ф. 286, оп. 2, № 442.
11. Эджворт М. Практическое воспитание / Пер. с англ. // Библиотека для воспитания. М. 1843. Отд. I. Ч. 1.
12. Эджворт М. Практическое воспитание. Пер. с англ. // Библиотека для воспитания. М. 1844. Отд. I. Ч. 2.
13. Троцкая М.Н. Жан Поль Рихтер в России // Западный сборник. Москва; Ленинград, 1937. Вып. 1. С. 257–290.
14. Рукописный Отдел РГБ. Ф. 99, картон XII, № 3.
15. Уткинский сборник. М., 1904.
16. Михайлов Ал.В. «Приготовительная школа эстетики» Жан Поля – теория и роман // Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. М. 1981. С. 7–45.
17. Jean Paul Levana oder Erziehlehre // Jean Paul's Samtlich Werke. Berlin, 1862. Bd. 22.
18. Шмидт К. История педагогики. М., 1881. Т. 4, ч. 2.
19. Рукописный отдел РГАЛИ. Ф. 198, оп. 1, № 106.
20. Шевырев С.П. Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета 18 июня 1842 года. М., 1842.
21. Желякова Э.М. Семья в моральной системе В.А. Жуковского и А.П. Елагиной (по материалам их переписки) // Вызовы времени и православные традиции. Томск, 2005. С. 25–32.
22. Любжин А.И. Очерки по истории российского образования императорской эпохи: Ученые записки культурологического лица. № 1310. М., 2000.
23. Библиотека В.А. Жуковского (Описание) / Составитель В.В. Лобанов. Томск, 1981.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сестра милосердия (фр.).

² По словам С.П. Шевырева, профессора Московского университета и единомышленника Елагиной в вопросах педагогики, «Песталоцци был энтузиаст семейного начала в обучении: <...> он в мертвую прежде школу внес живой быт семейный, душу чадолюбивого отца, первый сказал, что школа может быть искусственною семьею» [20. С. 13].

³ В работе современного исследователя А.И. Любжина в статье «Домашнее воспитание на рубеже XVIII–XIX веков» имена А.П. Елагиной (урожденной Юшковой) и В.И. Киреевского поставлены в ряд блестяще образованных родителей, давших истинное воспитание своим детям. В заключение статьи автор пишет: «Богатейший опыт (домашнего воспитания. – Э.Ж.) должен быть изучен со всей возможной тщательностью, ...необходимо уделить пристальное внимание этой эффективной и плодотворной форме, которой суждено, может быть, еще пережить свое возрождение» [22. С. 3].

- ⁴ В библиотеке В.А. Жуковского сохранилось целое собрание произведений М. Эджворт, в котором, кроме «Моральных повестей» (Moral tales. Paris, 1827. Vol. 1–2.) и романа «Елена» (Helene. Paris, 1834. Т. 1–3.), все остальные посвящены вопросам воспитания детей: Education pratique. Paris, 1801. Т. 1–2; Education familie ou Serie de lectures pour les enfans. Bruxelles, 1832. Т. 7–8; Ausgewahlte Erzählungen. Stuttgart, 1840. Bd. 1–4; Contes dedies a la jeunesse. Paris, 1840. Т. 1–4; Education familiare, ou Series de lectures pour les enfans. Paris, 1847. Т. 1–12; Les jeuns industriels, faisant suite a l'Education familere. Paris, 184 <...>. Т. 1–8 [23. № 962, 964, 966–968].
- Хронология изданий (с 1801 г. по 1847 г.) свидетельствует о постоянном и длительном интересе Жуковского к педагогической деятельности М. Эджворт, и в частности к ее труду «Практическое воспитание».
- ⁵ В сохранившихся черновых бумагах Елагиной Ж.П. Рихтер представлен как писатель (Авдотья Петровна перевела прозаический текст «Луна днем» [14. Л. 1–1, об.; 2]), автор эстетического труда «Введение эстетику» (в её архиве находится перевод 1–12 параграфов «I программы» [14. Л. 1–25]), наконец, как создатель «Леваны», о переводе которой идет речь в письмах к Жуковскому.
- ⁶ Обруч, серсо (фр.).
- ⁷ Гизо (Guizot Pauline, 1763–1827) – автор «Писем о семейном воспитании». Экземпляр книги «Lettres de familie sur l'education» (Paris, 1841. Т. 1–2) сохранился в библиотеке В.А. Жуковского [23. № 1206].
- ⁸ Неккер де Соссюр (Necker de Saussure, 1766–1841) – французская писательница, подруга мадам де Сталь, автор педагогического труда «Elucation progressive ou Etude du cours de la vie», экземпляр которой хранится в библиотеке В.А. Жуковского [23. № 1729].
- ⁹ Локк Джон (Locke, 1632–1704) – английский философ, воспитатель второго графа Шефтсбери, автор педагогического труда «Мысли о воспитании» (Some Thoughts concerning Education, 1714).
- ¹⁰ «Эмиль» – педагогический роман Ж.-Ж. Руссо (1762).
- ¹¹ Кампе (Campe Joachim Heinrich, 1746–1818) – немецкий педагог, автор известной работы «Kleine Kinderbibliothek» (1815).
- ¹² Фенелон Франсуа Салиньяк де ла-Мот (Fenelon, 1651–1715) – знаменитый французский писатель, воспитатель внука Людовика XIV, автор педагогического труда «De l'Education des filles» (1687), в котором утверждается необходимость серьезного воспитания и образования девочек – будущих матерей.
- ¹³ «Ганс и Гретель» – название одной из сказок братьев Grimm.
- ¹⁴ Шварц (Фридрих Генрих Христиан Schwarz, 1766–1837) – протестантский богослов и педагог, автор работы «Darstellung aus dem Gebiete der Padagogik» (1833–1834).
- ¹⁵ Героическая история (нем.).

Статья поступила в научную редакцию «Филологические науки» 19 марта 2005 г.